

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые педагоги, то есть ВСЕ, кто читает эти строки: воспитываем мы, воспитывают нас, в зависимости от возраста и обстоятельств, и этот процесс непрерывен, как сама жизнь.

Много лет работая в школе, я убедилась: труд учителя — воистину героический, подвижнический. А родительская любовь — самая высокая, истинная, непреходящая. И все это наваливается на нас (или мы наваливаем на кого-то...).

Низко кланяясь и педагогам, и родителям, я, однако, призываю всех не забывать о том, что всегда полезно бывает взглянуть на себя в зеркало. Ибо, не видя сажи на лице, как ее отмоешь?

Тем более, что среди этих историй нет ни одной выдуманной...

НАКАЗАНИЕ

Тамила Терентьевна всегда была толковая женщина и педагог хороший. Даже сама заведующая, довольно скупая на похвалу, частенько любила повторять:

— Тамила — это то, что надо. Наша! Посмотрите, какая у нее дисциплина!

Да, дисциплина в средней группе детсада «Огонек», где работала Тамила Терентьевна, была, что называется, «железной». Воспитательница в душе считала самым лучшим военную постановку дела, — тут она равнялась на мужа. Он-то знал настоящую цену порядку, его многолетняя служба — яркий тому пример («Массу надо четко организовать!»).

А эта детская масса, между прочим, не такая уж и подвижная, как принято считать. Главное что? Строгий голос, четкие команды: кто, куда, когда, зачем. Чуть что — наказание. Опять же четкое: кому, сколько. Но бить не надо. Во-первых, опасно. Во-вторых, лишнее. При хорошем-то голосе. И никаких улыбочек, «сюсю-рассюсю».

Зато и все первые места — в средней группе. Даже «старшие» — на конкурсе строя и песни в подметки не годятся, срамота одна с их Евдокией Петровной. Как насадка над ними: Петенька, Леночка, Сашенька, ко-ко-ко, ко-ко-ко! А спать уложить — полчаса потратит!

Брала бы с Тамилы пример:

— К кроватям подойти! Тапки снять! На счет до трех — под одеяло. Считаю до десяти — закрыли глаза, глубоко дышим, спим!

И все! Пару раз выволокла нарушителей за ухо из постельки да босиком в туалете поставила на десять минут, больше и не надо. Лучше снотворного.

А позавчера в группу поступила новенькая. Тамила сразу ее невзлюбила, как чуяла. Домашняя такая, холеная, распушенная. Хотя делает вид, что ласковая. Хитрая! Но ничего, посмотрим, кто хитрее. Много спрашивает, а воли такой требует — голова треснет у любого.

...Сели дети рисовать — все, как один, как сказано, так и рисуют. Показала Тамила, как надо (а она умеет, Тамила-то!) — все так и срисовывают. А эта Эллочка (дали же имечко!) норовит не так, как люди. С вывертом дрянь малая, наплачутся еще с ней.

— Тамила Терентьевна, а я хочу больше листочков нарисовать. Как у вас — некрасиво, дерево совсем голое!

Тамила чуть не сорвалась. Голое! Это ж надо! Тоже мне, Пикассо в зародыше! Но — сдержалась. Крик — это не наш метод. Настоящему педагогу не к лицу. Мысленно похвалила себя: есть выдержка! А голосом — только подытожила:

— Петренко, рисуй как положено. Накажу.

Девочка справа, Ира Крутикова, быстро толкнула новенькую в бок и, расширив глазенки, покачала головой. Лучше послушаться, да. «Наказание» — это серьезно.

Но Эллочка не унималась:

— А мама говорит, что всегда надо ФАН-ТА-ЗИ-РО-ВАТЬ!

Ах, мама, значит, говорит. Это та белобрысая, которая вчера чирикала: «Тамила Терентьевна, очень вас прошу, Эллочка недавно болела, проследите, пожалуйста, чтоб ее нигде не продуло!» И это летом! А что зимой скажет?! Наглая, зла не хватает. Ничего, сдержанность — это Тамилин «конек».

— Элла, рисуй, как все. Больше повторять не буду.

Ну вот, замолкла, рисует. Не глупая, как оказалось. Еще пару раз так сделать — будет шелк в тон всей группе.

Спустя двадцать минут Тамила начала собирать работы. Взяв в руки Эллочкин листочек, она почувствовала, что закипает:

— Эт-т-то что за номера, дорогая моя?! Ты глухая или тупая?!

Эллочка дебильно заулыбалась:

— Так ведь посмотрите, Тамила Терентьевна, дерево кучерявое получилось. Как моя мама! А не голое, как ваше!

Так... Всему есть предел. Только спокойно. Надо просто наказать. Предупреждала же.

— Ну что ж, сама виновата, Петренко. Зато ты запомнишь хорошо, что такое дисциплина. — Тамила чеканила «доходчивые» фразы, гордясь собой. — Голое дерево? Ну что ж, значит ты... — Тамилу осенило. — Значит, ты сейчас постоишь перед всеми пять минут голая.

...Такой тишины в группе никогда не было. Эллочка раскрыла ротик и уставилась на воспитательницу. Тамила рывком подняла ребенка со стульчика и, внезапно наклонившись, ловким движением спустила на девочке трусики. Дети ахнули, кто-то завсхлипывал. Тамила резко повернулась:

— Кто там сопли выпустил?! Фролов? Марш ко мне!

Мальчик с глазами, полными ужаса, шагнул к Тамиле как кролик к удаву.

— Становись рядом! — и тем же движением оголила ребенка.

Так! Тишина. Теперь — на часы. Пять минут надо. Но они не успели пройти, как вдруг закричала и заплакала Катя, за ней — Света, Коля, Игорь... Дети истерически рыдали, закрыв лица ручонками. А Эллочка с Ваней так и застыли, как будто окаменели от горя.

Тут Тамила все-таки вышла из себя. Живой ведь человек! Довели, щенки!!!

— Да я вас всех сейчас, всех!! Снимайте трусы! Ну?!!

И вдруг неожиданно самый тихий мальчик Саша Долгов кинулся на нее с кулачками:

— Дура! Дура!! Дура!!! Дура!!!!

Он упал и зашелся в истерике, колотясь головой об пол, корчась и давясь слезами. Тамила по-настоящему испугалась. Разве ж она думала, что в группе есть припадочные?!

Рванулась к двери: «Ирина Сергеевна! Медсестру, срочно!!!»

В общем, обошлось. Но только — нет справедливости на свете! — белобрысая мамаша подбила троих родителей, они пожаловались кому-то, и Тамилу Терентьевну быстро «сняли».

«Да, разбрасываться такими кадрами — никогда в стране порядка не будет!» — всем теперь рассказывает Тамила с горечью.

ЕСЛИ БЫ ВЫ ЗНАЛИ, ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА

— Что, Петрова, опять?! — голос «трудовички» (она же — учительница черчения) вибрировал от возмущения. — И что ты за девочка?! Ведь я предупреждала, что буду ставить годовые! Девочки, было?!

— Да, да! — согласно закивали семиклассницы.

— Ну вот! Как говорится, теперь не обижайся. «Два» я тебе с бо-о-ольшим удовольствием закатила бы, но... Себе дороже. «Тройка» тебе, Петрова, и то скажи «спасибо». Слов нет!

Петрова сидела, опустив голову. Сейчас ведь точно «трояк» поставит. Да она права, Валентина Михайловна, права. Она такая добрая, красивая... И так целый год терпела, это точно. Вдохнет только: «Ну что, Петрова Лиля, опять ничего не сделала? Ничего не принесла? Ладно, в последний раз. Но чтобы точно в последний, слышишь?»

Вот и доигралась Лиля до последнего...

Уроки домоводства она ненавидела до истерики. Нет, Валентина Михайловна ни при чем. Она такая, такая! И вяжет, и шьет, и вышивает! И все, что на ней — своими руками, такое все, такое! Вот бы и себе так!.. На первом уроке домоводства Валентина Михайловна сказала: «Девочки, мы с вами будем встречаться один раз в две недели, мне удалось добиться такого графика. Все-таки «сдвоенные» уроки — польза большая, можно многое успеть. А я вас научу всему-всему! Вот увидите! К концу года сошьем вам по платью! Согласны?»

— Ура! Согласны!

— А мы будем вышивать?

— А вязать?

— Спицами или крючком?

— Валентина Михайловна, а я умею крестиком!

— Успокойтесь, девчата! Будете у меня на все руки! — засмеялась Валентина Михайловна.

Лиля, прибежав домой, радостно, взхлеб, рассказывала родителям:

— И «крючком» сказала, и спицами, и платье сошьем!

Мама улыбалась: «Ой, да пусть! Хорошо!»

...Через две недели, после очередного урока, Лиля попросила:

— Мам, Валентина Михайловна сказала купить спицы и нитки, «ирис» называются.

— Что? — встрепенулся отец. — Какой ирис? Возьми вон в шкатулке кусочки, и хватит. И спицы от бабушки остались.

Лиля полезла в ящик с нитками-иглками, и в уголке нашла несколько крошечных цветных кагышков-остатков и три ржавые тонкие спицы.

— Папа, здесь не то, понимаешь? Надо купить ирис и...

— И на голову мне еще сядь, а я покаваю, — саркастически ответил отец.

— Но ведь, папа!..

— Все. Спиц даже не две, а три. А надо две. Не делай из меня дурака. И ниток хватит. На такие забавы — вполне.

Тон отца был тот самый, который Лиля про себя называла «газированной». Вроде не кричит, а от его слов в носу начинало щипать.

...На урок труда она пришла без спиц и без ниток и с завистью рассматривала яркие цветные клубочки у одноклассниц. А у Аллы Смирновой — даже несколько... Валентина Михайловна показала, как набирать петли, и девочки, пыхтя, принялись «строить» свои первые кривые рядочки. И Лиля научилась (на Аллочкиных нитках, а спицы ей Валентина Михайловна свои дала). Да так ловко получалось, хотелось делать и делать!

— О, молодчина! Да ты способная. Только спицы больше не забывай. Ладно? Девочки, дома связать кусочек десять сантиметров на тридцать петель лицевыми петлями!

Когда пришел следующий урок, Лиля опять явилась безо всего. Валентина Михайловна огорчилась: «Ну как это «дома забыла»? Ведь у тебя хорошо получилось! Ладно, «четыре» поставлю, но принесешь и покажешь!»

А в следующий раз она уже сердито развела руками: «Удивительно!» И поставила «двойку».

Отец, увидев оценку, взвизгнул:

— Это еще что?!

— Это, папа, за поведение, не сердись! Все девочки шумели, и Валентина Михайловна каждой поставила!

— Вот что, если еще раз такое повторится, я ей выскажу! Тоже мне педагог. Как таких на работу принимают?! Кто же за поведение всем ставит?!

Он долго возмущался, но Лиля уверяла так покорно и раскаянно, что больше ничего подобного не повторится, что он успокоился.

...Валентина Михайловна уже привыкла, что Петрова — странная. В классе все схватывает, но ничего никогда сама не приносит. И если добрая Смирнова не поделится — так и просидит весь урок.

«Лиля, объясни ты мне!..» — Валентина Михайловна устала от этих просьб. И она махнула рукой, ставя Петровой «два» — «три». И вот — последняя четверть.

— Девочки, теперь мы будем видеться каждую неделю, и тоже — два урока подряд. Ну что, ура? — ликовала Валентина Михайловна.

— Ура, ура! — смеялись ученицы.

— Ура! — подскакивала со слезами на глазах Петрова (теперь раз в неделю слушать «Лиля, объясни ты мне!..», ужас).

— Девочки, скажите родителям, пусть купят ситец, метра полтора. Он очень дешевый, и вам пойдет — ведь вы такие юные! Дорогую материю не надо, слышите? Ну а если кому не жалко, то скажите, чтоб мама не боялась: я сама, лично с каждой из вас, кроить буду. Еще ни разу не было, чтоб я девочке ткань дала испортить.

Дома Лиля долго думала, как сказать об этом папе (маме — бесполезно, она на мужа надыхаться не может. Ей главное, чтобы он не сердился. Только это. Да. Его надо просить). После ужина она робко начала:

— Пап, ты знаешь, в школе... В общем, так здорово, мы платье будем шить на себя. И не испортим, и всего кусок ситца, и Валентина Михайловна сама покроит...

— Что?! — шея отца стала коричневой, голос перетек в «газировку». — Я таки пойду, поставлю на место эту дуру! На кукол шейте, ясно?! Ну что за идиоты в школах работают? Завтра же пойду!

— Нет, папа, не надо! Она говорит, что если нет большого куса, можно и на куклу...

— Ну, слава богу, а то я уже думал, что идиотка полная ваша Валентина Михайловна. Возьми в ящике, там обрезков полно. Бери, дочка, шей!

Лиля покопалась в тряпках: может, попадется что-то большое? Нету...

И снова Валентина всплескивала руками...

Наступил конец четверти. Сегодня девочки заканчивают платье. Только подрубить кое-кому осталось.

— Петрова, тебе самой-то не противно? Я, честное слово, на твоём месте от одной зависти все бы сделала. Ну посмотри, какие все молодцы!

— Я... я, Валентина Михайловна... Мама только вчера ситец купила... Она не могла раньше... я, я... — девочка расплакалась.

— Ты что, Лиличка?.. — изумилась Валентина Михайловна («Черт его знает, может, у них денег совсем нет? Ведь не первый раз?.. И чего, чего я к ней пристала?») — Может, сходи сейчас принеси? Я покрою с тобой, а потом вместе просточим, а?

— Нет, Валентина Михайловна, у меня ключа нет...

— Ну, завтра давай, останешься после уроков. Я помогу. Хорошо?..

В учительской Валентина поделилась с «литераторшей» Светланой Александровной.

— Петрова? — удивилась та. — Ну, во-первых, она почти отличница, у меня — так точно первая, стихи даже пишет, и неплохие для ее возраста. Да и семья у них интеллигентная, по журналу посмотри..

— Так, может, временные какие трудности с деньгами? Не могу я понять ее, хоть убей! И чувствую: что-то не так, а понять не могу, что?

— Да ничего. Наверное, все просто. Вечно мы из мухи слона делаем. Не любит, видно, рукоделия, и все. Я и сама не люблю, ты знаешь. Терпения нет! Тебе завидую, а сама не могу. Да и не хочу, — заулыбалась Светлана. — Так что спи спокойно.

...Завтра утром надо принести в школу ситец. Где, где, где его взять?!! Как завтра смотреть в эти добрые красивые глаза?! Если бы вы знали, Валентина Михайловна!.. Папа перед Новым годом запретил маме шить для Лили карнавальный костюм. «Будет простой школьницей. Костюм ученицы, поняла, дочка? Маме некогда». А Лиля уже была «простой школьницей», каждый год с четвертого класса. Нет, он не жадный! Просто не любит, когда что-то «неумно делается». Новогодний костюм — это неумно. Куда потом его девать? Чтоб валялся? И Лиля плакала, а мать, взмахивая руками, чистила:

— Неблагодарная! Ну ты скажи, ну ты скажи! Чего тебе не хватает, а? Кто, например, лучше нас питается, а? Назови, назови!

Никто не питается лучше. Лиля в зеркало смотреться не любит: мощные «холодцовые» ляжки, обвислые щеки на огромном лице. Волосы только хороши: пышные русые кудри, густо-роскошные по всей длине. Но распускать их нельзя даже на праздник, только — с бантиками. А то, папа говорит, «сразу волчьи думки в голову ползут. И так издали за бабу принять можно».

По той же причине (это чтоб «волчьи думки...») он не разрешил покупать для нее новые кроссовки. Лиля носила крепкие кеды младшей маминой сестры, модные еще в пятидесятых годах, чем вызывала ухмылки всего класса и давала повод к

веселью учительнице физкультуры, стройной красавице Наталье Павловне. Просто удовольствие ей доставляла: «О, наш окорок снова в своих белых тапочках!»

Папа, наказав за что-то, не пустил ее на кросс, когда бегали всем классом, защищая честь школы, и теперь Наталья Павловна частенько еще и прибавляла к «белым тапкам»:

— Петрова, ну как здоровье папеньки?

И любимая учительница математики не знала, конечно, что папа, просматривая тетради Лили, обязательно говорил: «Что же сегодня эта дура вам объясняла? Ненавижу жидов-математиков!»

Лиля никогда не звала родителей на собрания, смертельно боясь папиных реплик. А мама изумлялась: что, в этой школе до родителей и дела никому нет? Но в школу сама не шла: Петрова училась прилично. А «двойки» по домоводству — так на это есть второй дневник, шпионы отдыхают. Научилась хорошо прятать после того, как папа, обшаривая, как всегда, все закоулки портфеля, нашел записку: «Я тебя люблю». Нет, это не ей. Это она писала Сережке. Но не отдала, так, для себя нацарапала. Теперь чуть что: ах, у нас любовь! Хи-хи. Да и к порядку папа все ж таки приучил: если обнаружит, что до 18.00 портфель еще не собран, заставит на другой день все учебники в школу нести, по всем предметам... Тяжело-о-о! Говорит, пусть привыкает к жизни, как она есть. Пригодится. И мама согласна, тоже теперь Лилю «к жизни» готовит. Например, велела купить колбасы семьсот пятьдесят пять граммов, и только так. Это чтобы Лиля училась «ставить хамлюг-продавцов на место». А то, понимаешь, взяли моду: кинут кусок на весы, и тут же: «А ничего, если на тридцать граммов больше? Возьмете, чтоб не резать? Заплатите?» Нет, не заплатим. И не в деньгах дело, нет. Так-то!

Бессонно мелькнула ночь, наступило «завтра». И ситец с потолка не упал. Нету. В коридоре Валентина Михайловна попалась навстречу: «Ну что, порядок? Знаешь, я все-таки «четыре» тебе поставила, взяла грех на душу. У тебя, оказывается, «троек» нет? Ну, ничего, давай ситец, посмотрим, сколько там?»

Лиля стояла, опустив руки, разглядывала пол.

— Петрова?! Опять?! Так, иди, куда хочешь, видеть тебя не могу!!!

Полный стан Валентины Михайловны удалялся, покачиваясь в такт ее решительным шагам. Она ухитрилась, полная отвращения к этой рыхлой лживой девчонке, и мысленно клялась:

— Ну, я ей покажу в восьмом классе! Жалко, домоводства уже не будет. Но ничего, зато попадетсЯ мне на черчении!!!

Однако показывать ей ничего не пришлось. По черчению у Петровой получились сплошные «пятерки». Этот предмет отец уважал и не считал блажью ни бумагу, ни дефицитные карандаши «Конструктор», ни даже домашний кульман...

«ТОГО-ЭТОГО»

Я сейчас уже на пенсии, но по-прежнему работаю в школе учителем музыки и пения. Дело свое всегда любил и люблю, дожил до седых волос, и давно я уже не Сашка Зайцев, а Александр Олегович. Но никогда я не забывал и не забуду своего любимого старого учителя, школьного музыканта Григория Ивановича со смешной кличкой «Того-этого». Это ведь благодаря ему я прожил свою жизнь так, а не иначе, став учителем.

Это было очень давно, почти сразу после войны. Работал в нашей школе старый фронтовик, виртуоз аккордеона, который музыку чувствовал всей душой. Мы очень

— Пожалуйста, того-этого, я пока тут свои вещички устрою, — Григорий Иванович поставил на стол аккордеон, аккуратно примостил тетрадь и принялся расчерчивать доску под нотный стан. Обычно эту процедуру выполняли мы, борясь между собой за это интереснейшее право: надо было натянуть вдоль доски суровую нитку, двое держали, а третий натирал веревочку мелом, потом резко «отбивал» о доску, и на ней оставалась ровненькая тоненькая линия. Быстро и очень красиво!

Но на этот раз Григорий Иванович принялся чертить от руки, не считая возможным мешать учительнице заканчивать свое дело.

— Дети! Мы, к сожалению, не успели выслушать всех, поэтому дадим заключительное слово старосте Алексею Крутикову и послушаем, наконец, самого Григоряна, что же он понял, и сможем ли мы подать ему руку. Леша, пожалуйста.

Речь Лешки превзошла все наши ожидания. Он емко и образно назвал проступок Вани «предательством родителей, учителей и друзей», сказал, что лично он потерял к Григоряну всякое уважение раз и навсегда, и в конце «подвел черту»:

— И вообще, ребята, я думаю, что вы со мной согласитесь: так поступали с советскими людьми только фашисты! Ты, Ванька, настоящий фашист!

Вот это да! Мы даже захлопали!

Елизавета Максимовна скупно улыбнулась: «Что ж, сильно сказано. Послушаем, что ответит. Ну, Григорян?»

Ванька сдавленным голосом заученно отбубнил полное раскаяние, мольбу о прощении и просьбу учиться с нами рядом и дальше.

— Неплохо, Григорян, — учительница осталась довольна. — А вот насчет прощения — мы подумаем до завтра и скажем тебе на первом уроке. Все, ребята, мероприятие закончено. Григорий Иванович, извините еще раз.

Елизавета Максимовна вышла, и только тут мы заметили, что Григорий Иванович сидит за столом, как-то неестественно пригнувшись и прикрыв глаза ладонью.

Наконец он встрепенулся, поднял совсем больной какой-то взгляд и тихо сказал: — Вы, ребятки, того-этого... Знаете, мне сейчас страшно с вами.

В классе от неожиданности установилась такая тишина, что жужжание мухи из известной поговорки было бы, наверное, сейчас похоже на рев бомбардировщика.

— Да, того-этого... Очень страшно!..

— Почему, Григорий Иванович?! — первым пришел в себя староста класса.

— Что ж вы с Ваней-то так? Ведь он парень неплохой. Ну, бывает с каждым. У вас разве все без сучка-задоринки, а, ребятки? Мы ж все, того-этого, не святые. А что ты тут, Леша, про фашистов сказал, так не дай тебе Бог, мальчик мой, — голос учителя вырос и окреп, — не дай тебе Бог, дорогой, и детям твоим, и, того-этого, внукам-правнукам узнать, что такое фашизм. Слышишь?! А Ваньку-то, что ж, простить его надо, ребята. Ему и так уже несладко, получил, небось, свое, а? Он и сам не рад, точно! Ну, вспомните, вы, когда чего натворите, рады ли? Небось, думаете, как это меня угораздило, и сразу, того-этого, хотите, чтоб вас простили и поняли, так ли, нет?..

Мы молчали. Это был Урок. Пожалуй, самый сильный в нашей жизни.

— Ну, что молчите, губошлепы вы мои глупые? Эх вы, судьи сопливые. Сказали б лучше: брось, Ванька, друг, того-этого, печалиться, да на будущее, смотри, дурачок, думай, что делаешь. Если вы простите — и вас простят. Поняли, хлопчики?..

Все облегченно задвигались, зашумели, заулыбались. Весело глянул на товарищей «преступник» Ванька.

— Ну, вот и ладненько, того-этого. Петь давайте. Ну, «виновник торжества», сегодня ты будешь запевайкой, выходи на класс!

И полилась песня, освобожденно и радостно, как будто увязали мы все в тряси-не, ртом воздух хватали, и вдруг нас спасли, отмыли, переодели в сухое...

На перемене Григорий Иванович в учительской решительно подошел к коллеге (она же выполняла функции старшего завуча):

— Елизавета Максимовна, вы, конечно, того-этого, извините, я ведь без образования, педагог, можно сказать, никакой, но вот нехорошо как-то это все. Детей ведь легко обозлить, а они ведь потом взрослыми станут...

Учительница удивленно задрала густые мужские брови:

— Я, дорогой Григорий Иванович, всю жизнь в школе проработала. Имею только поощрения и благодарности. И, кстати, действительно, — высшее педагогическое (она сделала ударение) образование. И, смею вас уверить, отлично обойдусь без ваших непрофессиональных советов.

— Ну да, того-этого... — лицо учителя задергалось. Он нервно переждал и решительно добавил:

— И все-таки, скажу вам прямо, хоть вы и завуч, после такого я бы, будь моя воля, вас к детям и на пушечный выстрел не подпустил бы, да.

— Меня?! — превращаясь в «светофор», взвилась учительница. — Да это вас, извините за откровенность, если на то пошло, на десять выстрелов подпускать нельзя! «Того-этого!» — передразнила она. — От одного вашего дерганья с ума сойти можно! Держим тут вас из жалости, между прочим! Ах, фронтовик, фронтовик!!! Да настоящие фронтовики — или калеки, или в могилах. А у вас только контузия, а туда же! Разобраться еще надо, чем вы во время войны занимались. Может, пели по штабам, а?

Григорий Иванович согнул плечи, как от удара:

— Ну что ж, того-этого, уважаемая, вы уж простите, что я живой, и что с руками, с ногами. В могиле, оно, конечно, того-этого, почетней, да. Ну уж так сошлось... Нелепо для вас...

Он, накренившись как-то вбок, медленно вышел из учительской. Все загудели. С одной стороны, мужик он хороший, дети его любят, а с другой — с завучем спорить кому захочется?..

...Через неделю наш школьный хор торжественно отправлялся на смотр художественной самодеятельности. Мы были отменно подготовлены нашим Григорием Ивановичем и вернулись с полной победой: первым местом и почетной грамотой. Однако спустя несколько дней на педсовете Елизавета Максимовна решительно объявила:

— Администрация школы выражает благодарность учителю музыки и пения Островскому Григорию Ивановичу, но, однако (поймите нас правильно!), мы решили, Григорий Иванович, больше на смотры вас не посылать. А хоровой кружок будет вести молодой специалист, который с завтрашнего дня приступает к работе. Вам, Григорий Иванович, мы оставляем только «часы». Мы, конечно, все вас уважаем, но, извините, жизнь есть жизнь. Нам позвонили из... ну, вы понимаете, начальство, одним словом. И они правы! Что это за рожи, спрашивают, корчит ваш музыкант?! Ему большие люди грамоту вручают, а у него лицо, как у клоуна, дергается. Так что, Григорий Иванович, для вас школа — школой, мы уже привыкли, а на люди, извините, незачем.

— Да я ничего, того-этого, мне и самому... — растерянно и огорченно развел он руками...

А на другой день Григорий Иванович не вышел на работу: он умер от инфаркта.

...Спасибо Вам, дорогой Учитель с нелепым прозвищем, за то, что Вы были в нашей жизни. Низкий Вам поклон и вечная память.

